

Шарапов Сергей Федорович

**Самодержавие и
самоуправление**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
С32

С32 **Сергей Федорович Ш.**
Самодержавие и самоуправление / Шарапов Сергей Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 83 с.

ISBN 978-5-521-30664-0

ISBN 978-5-521-30664-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

легко и этимъ ключемъ открыть забытый и пренебреженный путь русской исторіи! Великія усилія мысли и творчества будутъ потребны...

Но не будемъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Путь надежно огражденъ высокими вѣхами, сбиться невозможно...

Настоящее изслѣдованіе представляетъ попытку отвѣтить именно на тѣ важнѣйшіе вопросы о розысканіи нашего историческаго пути и о созданіи строго законмѣрнаго самодержавнаго строя на основѣ широкаго „труда мѣстныхъ людей“, т. е. самоуправленія. По условіямъ смутнаго времени, когда это изслѣдованіе было написано, его нельзя было иначе опубликовать, какъ за границей. Теперь, послѣ манифеста 26 февраля, есть всѣ основанія думать, что запретными и соблазнительными эти мысли названы уже быть не могутъ. Недавно въ другой, правда, формѣ онѣ были высказаны въ романѣ „Черезъ полвѣка“, и эта книга безпрепятственно вышла въ свѣтъ.

Сергій Шараповъ.

Мартъ 1903. Москва.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ первому (заграничному) изданію.

Настоящее изслѣдованіе было задумано еще давно, какъ результатъ длинныхъ разговоровъ съ покойнымъ И. С. Аксаковымъ во время систематическихъ прогулокъ, предписанныхъ ему врачами, гдѣ я его сопровождалъ по просьбѣ Анны Федоровны. Возстановляя и соединяя въ одно логическое цѣлое все высказанное между нами тогда, я могу засвидѣтельствовать, что изложенная здѣсь схема принадлежитъ мнѣ ровно столько же, какъ и покойному Учителю. Не очень охотно углублялся онъ въ нѣкоторыя ея детали, но въ концѣ концовъ долженъ былъ признать, что иной формы для проявленія истиннаго самодержавія быть не можетъ.

Такимъ образомъ, вотъ, въ главныхъ чертахъ наша славянофильская программа государственнаго устройства. Горько и больно, что подобныя вещи приходится печатать за границей, словно какое-нибудь нигилистическое изданіе, но что-же дѣлать? Мы зашли такъ далеко въ нашей нетерпимости ко всякой свѣжей, не шаблонной мысли, мы такъ упорно навязываемъ одну казенную форму патріотизма, не допуская ничего, что подрывало-бы святость и непогрѣшимость бюрократическаго начала, что ничего другаго не остается.

Наша бюрократія сдѣлала все зависящее, чтобы скомпрометтировать и затемнить нашъ чудный и свѣтлый историческій

принципъ—Самодержавіе. Еще немного, и она своего добьется, она этотъ принципъ разрушить вовсе, сдѣлаетъ невозможнымъ, неудержимымъ. Тогда явится „конституція“, какъ актъ отчаянія, начнется парламентаризмъ, и мы сразу попадемъ въ какую-нибудь неслыханную стамбуловщину *). Мирная *земская* Россія, которая могла-бы процвѣтать и развиваться, имѣя наверху *истинное* Самодержавіе, станетъ ареною политической борьбы, ненависти, лжи и кровавыхъ насилій. Никто не будетъ въ состояніи разобраться, гдѣ и въ чемъ бѣда, какъ не могутъ въ этомъ разобраться сейчасъ во Франціи.

Нужно-ли это? Неужели *этимъ* долженъ закончиться Петербургскій періодъ русской исторіи?

Май 1899 г.
С.-Петербургъ.

*) Послѣ манифеста 26 февраля этимъ страхамъ мѣста болѣе быть не должно.

Самодержавіе и самоуправленіе.

I.

Въ наукѣ русскаго государственнаго права есть большой пробѣлъ въ самомъ основномъ пунктѣ: ученіе о самодержавной власти Русскихъ Государей совершенно неразработано. Оно останавливается нѣкоторыми слабыми комментаріями надъ всѣмъ извѣстною статьею нашего Свода Законовъ и затѣмъ, ничего не уяснивъ, переходитъ отъ центра и источника государственной власти на периферію, къ органамъ и функциямъ этой власти. Съ другой стороны наша государственная практика, теоретически признавая принципъ самодержавія, практически отходитъ отъ него очень далеко, создавая условія, чуть не прямо противоположныя теоретическимъ требованіямъ.

Наша общественная мысль въ вопросѣ о самодержавіи рѣзко раздѣлилась на три теченія: первое, *конституціонно-либеральное*, къ которому примыкаетъ большинство нашей интеллигенціи, отрицаетъ самый принципъ самодержавія. Второе, такъ называемое *русское*, или *консервативное*, стоя на почвѣ нынѣшняго государственнаго строя, не знаетъ и не хочетъ знать иной формы самодержавнаго образа правленія, кромѣ чисто *бюрократической*. Наконецъ третье, *славянофильское*, самое послѣдовательное, но количественно слабѣе всѣхъ предста-

вленное въ литературѣ, исповѣдуетъ принципъ самодержавія антибюрократическій, *земскій*, ища своихъ идеаловъ въ прошломъ, въ до-петровскомъ періодѣ русской исторіи.

О первомъ теченіи говорить едва-ли стоитъ, хотя это теченіе, по численности своихъ силъ и ихъ составу, самое у насъ главное. Оно сильно своимъ отрицаніемъ только потому что имѣетъ дѣло исключительно съ защитниками самодержавія изъ второй группы. Славянофильскія воззрѣнія, выражавшіяся до сихъ поръ въ видѣ общихъ положеній теоретическаго характера, наши либералы признаютъ красивою и благородною, но несомнѣнно утопіей, и пока славянофильство не выступило съ совершенно реальною, облеченною въ плоть и кровь программу самодержавно-земскаго строя, такое отношеніе до извѣстной степени понятно и извинительно.

Второе, консервативное, или русское теченіе вызываетъ въ нашемъ обществѣ то-же самое отрицательное къ себѣ отношеніе, какъ и защищаемый имъ нынѣшній фундаментъ самодержавія — бюрократія. Здѣсь дѣло восходитъ до самаго первоисточника. Царская самодержавная власть *подлежитъ ли дробленію и дѣленію*, или нѣтъ? Въ этомъ вся сущность спора. Покойный К. Н. Леонтьевъ отвѣчалъ категорически: „урядникъ есть тоже немножко помазанникъ Божій“ и этимъ ставилъ вопросъ на совершенно опредѣленную почву. Устранялись всякіе компромиссы и недоразумѣнія, и отвѣтъ на вопросъ формуловался такъ: да, царская самодержавная власть дѣлима и дробима. Государь облакаетъ ею министровъ, министры директоровъ департаментовъ и т. д. до послѣдняго низшаго агента власти включительно. Устанавливается огромный и сложный механическій правящій аппаратъ, гдѣ одни органы управляютъ, другіе судятъ, третьи ведутъ хозяйство, четвертые просвѣщаютъ, пятые провѣряютъ и т. д. Если этотъ механизмъ вполне усовершенствовать и наладить, а для его персонала имѣть въ

обществѣ постоянный контингентъ хорошо воспитанныхъ, честныхъ и патріотичныхъ кандидатовъ въ чиновники, то задача устройства русскаго государства по этой теоріи будетъ осуществлена. Благоденствующій народъ внизу, мыслящее и прогрессирующее общество надъ нимъ, а поверхъ всего гигантская пирамида всесильной и всемогущей бюрократіи, увѣнчиваемая самодержавнымъ Государемъ, отъ котораго исходитъ и законъ, и исполненіе, и судъ, и контроль.

Если въ теоріи, эта схема не лишена стройности и законченности, то ея приложеніе въ жизни дало одно любопытное наблюденіе, совершенно уничтожающее всякую вѣру въ этотъ типъ государственнаго строя. Самъ его завершитель въ Россіи Императоръ Николай I, доведшій способъ механическаго управленія до небывалаго блеска и стройности, былъ вынужденъ охарактеризовать этотъ режимъ безсмертными словами: „Россіей управляютъ столоначальники“. Съ тѣхъ поръ общество русское совершило огромный культурный прогрессъ: просвѣщеніе перестало быть монополіей дворянства и широко разлилось; нравы улучшились, люди несомнѣнно поднялись въ своемъ умственномъ уровнѣ и облагородились. Чиновники стали, какъ люди, неизмѣримо лучше.

Казалось-бы, долженъ былъ улучшиться и механизмъ управленія. Между тѣмъ, мы видимъ совсѣмъ обратное. Съ тогдашними, сравнительно плохими, силами управленіе было гораздо цѣльнѣе, механизмъ его прочнѣе, законодательство цѣлесообразнѣе и разумнѣе, была вѣра въ себя. Теперь стройность исчезла, вѣдомства парализуютъ одно другое, или вступаютъ въ соблазнительныя соглашенія, вѣра въ себя смѣнилась всеобщимъ самоосужденіемъ, на устахъ у каждаго одно единственное желаніе: чтобы этотъ режимъ какъ нибудь закончился, ибо онъ принялъ слишкомъ уродливыя формы и является неизлѣчимымъ и неисправимымъ. Всѣмъ, даже самымъ пла-

меннымъ поклонникамъ системы бюрократическаго управленія, стало ясно, что такъ управлять Россіей далѣе нельзя, такъ законодательствовать нельзя, такъ вести хозяйство нельзя...

Режимъ осужденъ окончательно и безповоротно, но выхода не видитъ никто.

Въ нашей печати давно уже не поднималось этого щекотливаго и неудобнаго вопроса. Но поднять его необходимо. Это центръ всей нашей общественной жизни, всѣ ея нити сюда сходятся. До разрѣшенія этого вопроса нѣтъ рѣшенія никакимъ другимъ, ибо всякій частный вопросъ нашего быта органически связанъ съ нашимъ бюрократическимъ строемъ и вѣтъ его никакому рѣшенію не поддается.

II.

Выходовъ здѣсь, очевидно, два; или самодержавіе можетъ быть дробимо и дѣлимо — тогда получается нынѣшній бюрократическій строй, всѣмъ ненавистный и всѣми осуждаемый, или оно *недробимо* и *недѣлимо* — тогда долженъ быть отысканъ нѣкоторый иной, *не-бюрократическій* строй управленія. Въ противномъ случаѣ самодержавіе вовсе невозможно и тогда Россіи остается западный путь конституціи и парламентаризма.

На послѣдній путь и толкаетъ Россію нашъ, такъ называемый, либеральный лагерь. Поэтому убѣжденнымъ представителямъ славянофильской школы, необходимо попытаться обрисовать въ краткихъ чертахъ этотъ второй путь недробимаго и недѣлимаго царскаго самодержавія. Въ своихъ основныхъ началахъ онъ уже намѣченъ отцами славянофильской школы. Теорія его дана. Задача настоящаго изслѣдованія — свѣрить эту теорію съ практикою, рассмотреть, какъ славянофильскія „начала“ могутъ быть выражены реально, въ какихъ формахъ должно вылиться управленіе и какъ сложится земскій государственный строй Россіи съ самодержавнымъ и притомъ *дѣйствительно самодержавнымъ* Царемъ во главѣ.

Какъ опредѣляетъ славянофильство самодержавнаго Государя?

Это есть живая Личность, принадлежащая, согласно установленнымъ формамъ наслѣдованія, къ опредѣленному роду, поставленному Божьимъ и народнымъ изволеніемъ во главѣ русскаго государства, Представляя живое воплощеніе коллективнаго и историческаго организма, Русскій Государь сосредоточиваетъ въ себѣ всю полноту его правъ. Въ лицѣ Государя *всегда вся Россія*. Она, разъ принявъ Христову вѣру по восточному ученію, не можетъ ему измѣнить, и онъ тоже. Она полновластна давать себѣ и отмѣнять законы, онъ это дѣлаетъ за нее. Она, какъ членъ остальнаго человѣчества, объявляетъ и ведетъ войны, заключаетъ миръ, вступаетъ въ договоры—всѣ эти функціи принадлежатъ Царю и никому, кромѣ него, какъ и распоряженіе всѣми ея силами и ея коллективнымъ хозяйствомъ.

Изъ опредѣленія „Русскій Царь есть живое олицетвореніе Россіи“ вытекаютъ всѣ прерогативы и всѣ ограниченія царской власти, все величіе и всѣ тяготы царскаго сана. Какъ и Россія, Государь, не ограниченный внѣшнею властью, никому отчетомъ не обязанный и ничьему суду не подсудный, ограниченъ внутри себя: положительнымъ ученіемъ Церкви, котораго онъ ни отмѣнить, ни измѣнить не въ правѣ; своею совѣстью, которой Россія вручаетъ свои судьбы и которой вѣрить; исторіей, которая для потомства дастъ судъ народамъ и царямъ; наконецъ, живою народною совѣстью, судъ которой, хотя-бы и молчаливый, вѣтъ вѣчно надъ Царемъ.

Давая законы, Государь, очевидно, самъ стоитъ выше закона, какъ его источникъ. Но всѣ остальные его подданные, безъ малѣйшаго исключенія, находятся подъ дѣйствіемъ закона, распространяющагося на всю территорію Россіи. Всѣ права и прерогативы царскія относятся единственно къ лицу